

Черты южного наречия в говоре с. Терновка

673

Говор с. Терновка является смешанным, в нем сочетаются черты восточных (юго-восточных) и западных говоров, но преобладают черты юго-восточных говоров. Поэтому его традиционно относят к юго-восточным болгарским говорам, которые делятся на две группы – Одесскую и Измаильскую. К Одесской группе юго-восточных говоров принадлежат также говоры сел Малый Буялык (Свердлово), Большой Буялык (Благоево), Кубанка, Катаржино. На диалектном материале этих сел возможно определить черты терновского говора, общие с другими юго-восточными, например с благоевским, который не испытал влияния западных болгарских говоров.

Общепринятым является деление болгарских говоров на восточные и западные по рефлексам *ятя*. Граница, отделяющая эти две основные группы болгарских говоров, проходит от устья реки Вит через города Плевен, Луковит, Пазарджик, Мельник к городу Солунь /Фессалоники/. К западу от этой линии гласный *ять* произносят всегда как гласный *е*: *хлеб, лето, вера, хлебен, летен, верен*. К востоку от этой линии *ять* произносится в зависимости от различных фонетических условий (от твердости или мягкости последующего согласного), то как *я*, то как *е*. Это так называемое «*я променяливо*»: *хляб, но хлебен, лято – летен, вяра – верен, тясно – тесен* и т.п. Эта закономерность лежит и в основе литературного болгарского языка. Она свойственна и балканским говорам. Однако в южноболгарских говорах, в частности в юго-восточных (рупских), *ять* под ударением произносится как *я*, независимо от качества предыдущей согласной: *лябен, лятен, вярден, тясен, дяв, кдя, дубря*. В терновском говоре преобладает именно это произношение *ятя*, но в речи некоторых носителей говора произносится и дифтонг. Как дифтонг произносилась эта гласная и в речи Владимира Никифоровича Станко. Зная это, все болгарские ученые, приезжающие в Одессу на конференции, первым делом искали Исторический факультет Одесского национального университета, где В.Н. Станко был деканом, чтобы услышать архаическое произношение *ятя*, напевную диалектную речь, которую в Болгарии уже не услышишь.

Ятевая граница является не только лингвистическим критерием деления говоров, но и этнографическим, этнокультурным. Так, на запад от ятевой границы распространено песенное многоголосие, двухголосное пение, так называемое «четворно хоро (четворка, малашевско, мелнишко)», которое танцуют «за пояс», ритм которого вербализован в повторяющемся возгласе танцующих: «Дръж се, земьо, шоп те гази!». Для севера характерно более медленное «право дунавско», а для юга – «право тракийско хоро».

Традиционное противопоставление восточные – западные болгарские говоры не было релевантным для староболгарского периода, в то время более значимой было деление болгарской языковой территории на южные и северные диалекты. Наиболее наглядно оно проявляется на фонетическом уровне и прежде всего по рефлексам *ятя* – перед слогом с мягким согласным в северо-восточных говорах произносится –*е*, а в юго-восточных – *’а* (*летен, верен, гулеми* – в северо-восточных говорах, и *л’атен, в’ар’ен, гол’ами* – в юго-восточных). Эта черта является и характерной особенностью терновского и благоевского говоров. Здесь произносят: *в’ажди, н’айди, р’асни, р’ажа, св’аш, ср’аштам, с’ами, т’ами, цв’ати, над’ани, м’асиц, п’асна, п’айа, л’атин, в’ар’ен, гул’ами, л’ашник*

и т.п. (ср. болг. лит.: вежди, нейде, ресни, режа, свещ, срещам, семе, теме, цвете, ядене, месец, песен, пая, летен, верен, големи, лешник).

Диагностирующими являются также и степень редукции безударных гласных – для северо-восточных болгарских говоров характерна сильная редукция безударных гласных *о* и *е*, которые произносятся как *у* и *и* (*никуй*, *дувезаха*, *йадинту*, *убличат*, *султъ*, *нешту*, *мумата*, *негувата*), в юго-восточных говорах степень редукции несколько ниже (*ником*, *довезаха*, *йаденето*, *облицат*, *солтъ*, *нешту*, *момата*, *неговата* и др.).

Для юго-восточных говоров характерна стабильность фонемы /х/, а в северо-восточных говорах *х*, как правило, выпадает в начале слова, в середине и в конце (*убав*, *уро*, *ора*, *айта*, *агъл*, *аресам*, *арман*, *ил'ада*: *муйа*, *дрейа*, *снаа*, *маала*; *б'ау*, *тиу* и т.п.), в благоевском говоре: *хубав*, *хуро*, *хора*, *хайта*, *хагъл*, *харесам*, *харман*, *хил'ада*, *муха*, *дреха*, *снаха*, *махла*, *б'ах*, *тих*, *прах* и т.п. В говоре с. Терновка *х* в начале и в середине слова чаще всего выпадает: *агъл*, *арман*, *амбар*, *арно*, *баур*, *лана* и др., но сохраняется в конце слова: *прах*, *сух*, *глух*, *бех*, *учих* и др.

В благоевском говоре *х* употребляется в заимствованиях из украинского или русского языка на месте *г*: *хлубец* (голубець), *хустинци* (гостинці), *хулуба краска* (голуба), *хардирон* (гардиروب), *халстук* (галстук), *ухол* (угол), *хас* (газ), *харба* (гарба), *крухла* (кругла), *ухля* (уголь) и др. В терновском говоре начальное *х* встречается в словах: *хмарно*, *хутар*, *хазяин*, *хнур* и некоторых других.

Характерной особенностью всех юго-восточных говоров является и так называемое «*претметнато*» ударение – на первом слоге в формах повелительного склонения (*зЕми*, *сЕдни*, *дОнеси*) и некоторых существительных: *гОдина* (*Яс бях три гОдинки*), *Обици*, *врАпче* (врабче), *жЕни*, *брАино*, глаголах (*Играха хуро. Ки нАправа*) и др.

Для образования форм будущего времени в терновском говоре используется частица *ке/ки* (*ке четам*, *ке пера*, *к иберам*, *йас ке река*, *ке умра*, *ке зАкола*, *ке нАправа*), а в благоевском говоре используется две частицы – *ки* и *ши*, что свидетельствует о смешанном характере говора. Частицы будущего времени *ке/ки* характерны для юго-восточных болгарских говоров, в Благоево они встречаются реже, чем *ши*: *Ки дойдим в нези. Ки си изригам ч'ервата. Ма йат, ки са из'ам. И съ т'ухкаши да усп'ей да свари на мъжъ, бу той скору ки си дойди ут рабу-та. Май, ки направа вар'еники. С частицей ши, ше, иш: Ква мандж'а н'еска ши готвиш? Бабити по ше знаят. Ми са спи, жад'ан съм за сън, шида да си л'егна. На утри ши направим баница. Ш та направа на дармон. Ш та кон'ч'ат. Въл, ши ми ид'е гъзъ! Уд ништу ши направи н'ашту.* Иногда в одном и том же предложении употребляются *ки* и *ши*: *Ки збир'еш гроздиту и ши направим'е вину и ут дж'убри.*

Из исследованных нами юго-восточных болгарских говоров Украины частица *ки* образует будущее время в Терновке, Катаржино, Парканах, а *ши* – в Куле-вце.

В области морфологии дифференцирующим также являются окончания глаголов настоящего времени в 1 л. ед. и 3 л. мн. числа. Для выходцев из Ямбольского округа характерно, например, особое соотношение окончаний глаголов в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн.: *ас рабута*, *рива*, *кришта*, *но те рабутът*, *ривът*, *криштът* (срв. лит. *аз работа*, *те работят*). Эта особенность характерна и для благоевского говора: *яс сна*, *свира*, *врава*, *те ядът*, *пуидът*, *пуигрът*, *танцувът*, *благословът*, *дугуварът*, *са главът* и др., при этом в 1 лице ед. числа глагол заканчивается на твердый согласный: *гона*, *са глава*, *носа*, *права*, *помна*, *пърла*, *прата*,

спа, свира, тегла и др. (срв. болг. лит.: *гоня, глава се, нося, правя, помня, пърля, пратя, спя, свиня, тегля*).

Среди других фонетических и морфологических особенностей следует отметить общие для терновского и благоевского говоров черты:

- сочетание –ръ– *дрѣпам, крѣпа, дрѣжа, дрѣвян, грѣди, срѣбам, трѣса, врава* (в литературном языке в этих случаях –ър: *дърпам, кърпа, държа, дървен, гърди, сърбам, търся, вървя, но зърну, гърлу, гърмел*).

- Лабиализация гласных *е, и* в *у* в лексемах: *жув, жувяха, ячумик, чуляк, джубри*.

- Элизия согласной *в* в некоторых лексемах: *удиница* (воденица), *удуец* (вдовец), *чаун* (чавун), *уда* (и *вуда*), *улови* (волове).

- Наличие аффрикат *дз* и *дж*: *дзардзала, мърдзелив, надзѣдя, дзѣдната* (*кѣшта*), *джигер, джига, джоб, джубрини, джурапи* и др.

- Йотация гласных: *йедар, йефтин, йас* и др.. (срв. лит.: *едър, евтин, аз*).

- Наличие специфических юго-восточных форм местоимений: *яс, незин, незина, незяна* (*надрушка незяна*), *незини, нейзи, това* (вм. *този*).

- Артикль существительных мужского рода – *ъ* (под ударением: *на прагъ, крагъ, снегъ*), *а* (в безударном слоге: *на стола, на кривета*).

- Наличие специфического глагольного суффикса –*ува* в формах настоящего времени: *вразувам, дарувам, казувам, запалувам, замысувам, заключавам, дука-рувам, са махнувам, булкувам, харизувам/харизуам* и др.

На лексическом уровне при разграничении север – юг наиболее характерны противопоставления *дѣщеря – щерка* ‘дочь’, *стан – разбой* ‘ткацкий станок’, *зеле – лахна* ‘капуста’, *гѣлча – хуртувам* ‘говорить’, *черница, ягуда – дудала* ‘шелковица’, к ним можно добавить также лексеми, характерные для фракийских говоров, – *джубринки* ‘шкварки’, *пашмол* ‘кокон’, *кутел, върбило, карпуза, куптор, л’улек* ‘аист’ и др. В благоевском говоре нами не зафиксированы лексемы *лахна, дудала, люлек*, их соответствия в говоре – *зеле, черница, штьркел*. Но в терновском говоре употребляются *лаана, дудала*. Активно употребляются и в терновском, и в благоевском говорах типичные для юго-восточных говоров лексемы: *разбой, хуртувам* (уртувам), *джубри, джубринки, карпуза* (пъпеш ‘дыня’), *синия* (софра), *шумник* (туалет). А также раритетные лексемы *зоз-зон-зоница, зунца/зунга* (дѣга ‘радуга’), *чест* (гѣст), *кунди, кундийо прѣс* (матьк прѣст ‘мизинец’), *бацкам* (целувам), *дал, далче* (клон, клонче ‘ветка’), *благ* (сладък). Раритетными для благоевского говора являются лексемы: *улашка* (царевница), *кирда* (отара овец’), *паликош* (‘костер’), *цѣлкѣн* (салкъм ‘акация’), *кози рог* (сорт пипер), *галбушина* (сухи листа на царевича), *латура* (триенница), *камара* (кровянка), *транка* (трака), *куда* (главно лице на Коляда) *бубота, ватральче* и др. Для терновского говора: *божеме* (молебен за дѣжд), *брягофка, прадамарка* (вид птицы), *джок* (вид селянка), *илак* (корито), *катарджийску* (божур), *кишкил* (черпак), *лентир* (железна вила), *оти* (защо, защото), *славик* (славей), *фолта* (вѣдница) и др. Лексема *баница* употребляется в Благоево и в Терновке, а также и в других юго-восточных переселенческих говорах и в Огородном (Чийшия), в бессарабских болгарских селах слоеный пирог с брынзой или творогом называется *милина*.

Почти все переселенческие юго-восточные говоры испытали огромное влияние украинского и русского языков. В частности в терновском и благоевском говорах наиболее активной в словообразовательном отношении является лексема *балакам*, от которой образованы производные: *балачка* (седянка), *забалакам, балакуч* и др.

Анализ диагностирующих диалектных элементов дополняется глубинными «этнокультурными сигналами», многие из которых скрываются в самих закономерностях организации мотивационной структуры обрядовой терминосистемы. К диагностирующим чертам юго-восточных болгарских говоров следует отнести лексемы свадебной терминосистемы *главеж*, *главеник*, *главеница*, *препив*, *замески*, *слугняк*, *измекция*, *либовник*.

Лексема *главеж* фиксируется только в южноболгарских говорах, которые представлены в селах Благоево, Кубанка, Свердлово, Червонознаменка, Терновка, Кулевча, Суворово и в Крыму. В остальных селах употребляется лексема *годеж* (как и в литературном болгарском языке). Этимология лексемы *главеж* объясняется в лингвистической литературе следующим образом: «Нередко во время помолвки молодые соединяли головы, что, вероятно, для болгарской культурной традиции было особенно значимо, поскольку вызвало к жизни разнообразные термины, образованные от общей основы *глав-*: *углава*, *оглава*, *главеник*, *главеница* и др.». Однокоренным является и название подушки в этих говорах – *главница*. Н.С.Державин происхождение термина *главеж* связывает с названием перстня – *главенич*, который обязательно дарят на помолвке. Отличительной чертой болгарской свадебной обрядовости было наличие двух помолвок – малой и большой (тайной и официальной), что сохранилось не во всех селах Бессарабии.

Только для переселенцев из Южной Болгарии характерны названия пердсвадебного обряда, образованные от корня *пи-/пой-*: *препив*, *препев*, *перепев*, указывающие на широкое распространение практики скрепления договора при помощи совместной трапезы, распивания вина или ракии и их значимость в обряде. В Терновке *препив* проходит в доме родителей девушки, обязательно на *препив* готовят *печеник* – запекают поросенка. В балканских говорах в названии предсвадебного обряда эксплицитно представлена семантика «говорения»: *удумвани*, *обдумване* и т. п. (от гл. *думам* ‘говорить’). В Благоево лексема *препив* нами не зафиксирована.

Диагностирующими для севера и юга являются названия предсвадебного обряда засевки – *засяф*, *засефки* в северо-восточных говорах и *замески*, *замяски*, *замиски* в южных (фракийских), в том числе и в благоевском, и в терновском говорах. *Замяски* проходят обычно в четверг или в среду.

Среди названий обрядовых лиц диагностирующими в исследуемых говорах могут быть названия сватов. Так, в метрополии в Восточной Болгарии сватов называют *сватовници*, *женихли*, во Фракии – *слугаре*, *сгодичаре*, *прателци*, *прателници*, *момаре* (Родопи, Фракия), в Страндже – *слюбници* у рупцев, *главешиници* – у загорцев, *прателници* – у тронков. В Благоево сохранилась характерная для фракийских говоров лексема *слугник* – сватовник.

Общность южных говоров обнаруживается и на других языковых уровнях. Так, в южном ареале распространены сохранившиеся староболгарские формы винительного падежа на *-ен* – *камен*, *ремен*, *кремен*, *ечмен*, что говорит о старинности границы север-юг, о чем не раз говорили и ранее диалектологи.

Важность изучения южнофракийских говоров неоднократно отмечалась славистами. Это обусловлено отчасти и тем фактом, что они представляют собой естественное продолжение родопских и солунских говоров, носителями которых, как известно, были Кирилл и Мефодий. Не следует забывать и о том, что говор села Сухо близ Солуни, описанный Облаком в 1898 г., принадлежит также к южным диалектам.

Как отмечает известный болгарский диалектолог И. Кочев деление север-юг является наиболее архаичным: «Если бы мы снова попытались ответить на вопрос, поставленный некогда Б. Цоневым, «Какие новоболгарские говоры находятся ближе всего к староболгарским» (но уже комплексно на всех уровнях, т.е. не только на лексическом), то ответ определенно может быть только один – юго-восточные» [Кочев, с. 21]. В результате исследования юго-восточных болгарских говоров Т. Бояджиев приходит к выводу, что общность южнофракийских говоров с солунскими является не результатом взаимодействия, а следствием «былой и настоящей общности всех южноболгарских диалектов» [Бояджиев, с. 89].

Литература

Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи. Комментарии к картам. – М., 1958. – Ч. 1. – 84 с.

Барболова З. Българският говор в Николаевската Терновка (Украйна) – Одеса: Симекс-принт, 2013 – 352 с.

Бояджиев Т. Българските говори в Западна (Беломорска) и Източна (Одринска) Тракия. – София: Св. Климент Охридски, 1991 – 276 с.

Вакарелски Хр. Етнография на България. – София: Наука и изкуство, 1977. – 676 с.

Гамза В. Тернівка. Історико-етнографічний нарис. – Миколаїв: Ілюн, 2013. – 530 с.

Державин Н.С. Болгарские колонии в России – София: Мартилен, 1914. – 304 с.

Кочев И. За основните проблеми на българската диалектология. – Български език, 1984, № 2. – С. 115–121.

Колесник В.А. К вопросу о статусе фракийских говоров болгарских сел Юга Украины // Слов'янський збірник. – Одеса: Астропринт, 1996. – Вип. 1 – С. 50–55.

Павлова Н. Диалектология и етнокултура // Българистични студии. – София, 1995. – С. 121–126.